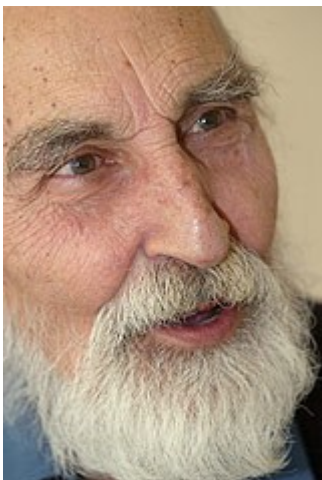

ПАМЯТИ ПАТРИСИО БУНСТЕРА

Вчера, 24 сентября 2006 г на стало Патрисио Бунстера, человека без имени которого теперь уже написать историю чилийской культуры.

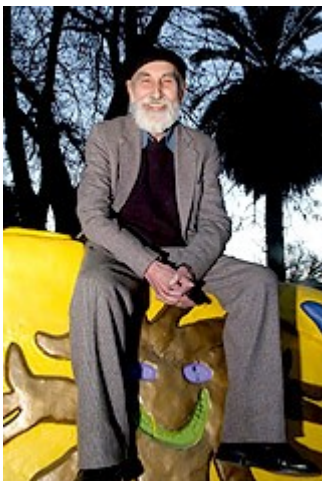
Наверное, он был (как странно и страшно это слово «был», к которому с сегодняшнего дня нам придется привыкать) величайшим современным хореографом Латинской Америки. Как Роберто Матта, Виолета Парра, Пабло Неруда и Виктор Хара, Патрисио Бунстер, занял место в ряду... нет, не в ряду, в созвездии самых ярких и светлых художников, рожденных этой чилийской землей. Иногда строки выходят так пафосно или высокопарно, когда боль не находит себе слов.

Как водится, местная пресса уже опубликовала некрологи, ведущие деятели культуры и политики не поскупились на соболезнования и слова восхищения, но здесь, в Чили, стране не помнящей своих артистов и боящейся своей истории, эта новость заняла более чем скромное место на фоне новостей футбольных и полицейских. Нам не привыкать.

Непросто писать о человеке, которого знал лично. Когда мы только с ним познакомились, во время моего первого приезда в Чили, лет 15 назад, Патрисио, бессменный художественный директор, в те годы еще полулегального Центра современного танца «Спираль» (страна и ее культура только выходили из комы пиночетовской диктатуры, а «Спираль» стала главным детищем вдовы Виктора Хары английской балерины Джоан Тернер и Патрисио), удивил меня нет, не столько человеческой простотой и открытостью, о чем наверняка будут говорить все, имевшие счастье общения с

ним, но и еще чувством искреннего и неподдельного интереса к другому, талантом натуральной, естественной солидарности с ближним, при которой чувство справедливости неотделимо от такта и уважения к другому. Каждый раз, когда мы встречались по очередному поводу каких-то моих очередных бредовых проектов, а потом все больше и чаще и без повода, просто так, он, зная и моей тогдашней ситуации иностранца, безработного в Чили, просто не отпускал меня, не накормив обедом и не принимать этих приглашений, значило бы обидеть его. При этом я прекрасно знал, что он, ведущий хореограф лучшей школы Чили, сам почти выживал на более чем скромную преподавательскую зарплату и никогда так и не принял предложений и подачек от «демократических властей», всегда мечтавших приручить «Спираль», которая была и остается моральным эталоном в мире идеологического и культурного базара, которым стала сегодняшняя Чили.

Вспоминаю с каким сарказмом и смехом (только глаза оставались очень серьезными, грустными и.. спокойными) он говорил о некоторых бывших товарищах по борьбе, так быстро «перестроившимся», «обновившимися» и занявшими соответствующие посты «демократического» чиновничьего культурного олимпа. Как резко он отзывался о кумире моей юности американском певце Дине Риде, сделавшем карьеру на чилийской трагедии и заигравшемся в дружбу с ГДРовскими властями и ШТАЗИ, что в конце концов стоило ему жизни. Сам он, несмотря на веяния времени, старомодно оставался членом Компартии Чили и даже ее Центрального комитета, и миссия последних лет его жизни заключалась в нелегком и неблагодарном деле поднятия из руин чилийской культуры. Все вопросы о смерти, столь любимые в многочисленных интервью местных журналистов, прерывались шутками и рассказами о новых проектах.

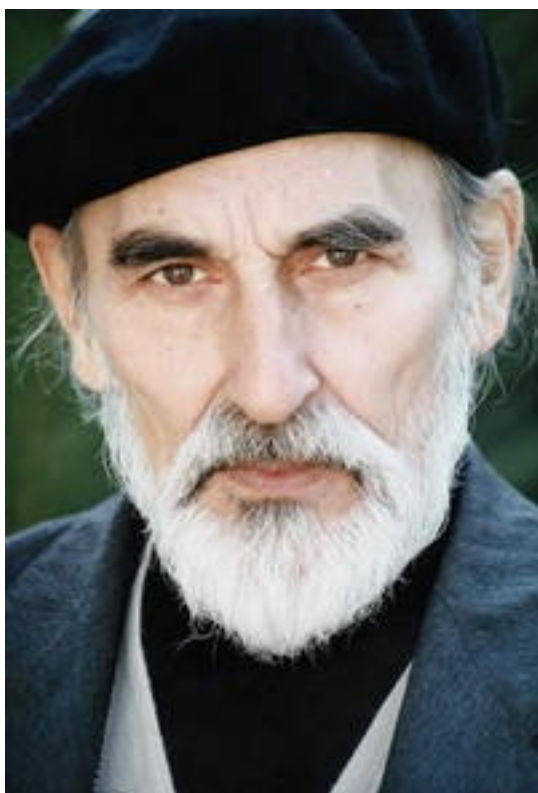
Я много думал, какое это должно быть счастье, когда-нибудь стать таким вот стариком, в окружении стольких друзей и учеников самого разного возраста, стариком, в глазах, жестах и словах которого столько свежих идей и интересов и столько откровенного безразличия к смерти. Когда несколько лет назад у него обнаружили рак, он попытался скрыть это от своих близких, и

продолжал работать и вести себя так, словно, как написал когда-то его старший друг Неруда, «смерть – это просто неправда».

Все мы, его знавшие, даже двадцатилетние ученики и ученицы, несмотря на разницу в возрасте, всегда обращались к нему только на «ты», говорили ему не «маэстро» или «дон Патрисио», чего требуют нормы общечилийского этикета, а просто: «Патрисио», и в этом было куда больше истинного уважения, чем в выдуманных когда-то кем-то нормах, нарушение которых было одним из его жизненных кредо.

Ближайшим другом и человеком в жизни Патрисио был его единственный брат Альваро, который когда-то был послом правительства Альенде в Англии. Несколько лет назад Альваро умер в Мексике, стране своего изгнания, вернуться из которой он в Чили так и не смог. Урна с его пеплом хранилась у Патрисио дома... почему-то он не мог с ней расстаться.

В одном из последних интервью он сказал: «Мне важно делать танец для всех, чтобы простые люди могли узнать себя в нем, потому что у каждого из нас внутри есть танец».

Он ушел в возрасте 82 лет. Немного о его жизни:

Патрисио Бунстер родился в небогатой, но культурной семье в Сантьяго. Его отец Сесар Бунстер был учителем литературы, а мать Отилия Брисеньо была студенткой математики в Педагогическом университете и умерла от

туберкулеза, когда Патрисио было всего три года. В семье было четверо детей, и все впоследствии стали известными в Чили людьми: Кармен – актрисой, Альваро – адвокатом и Химена – социальным антропологом. После второго брака отца родилось еще трое.

Семья с раннего возраста водила детей практически на все спектакли, концерты, выставки и премьеры. Сесар Бунстер стал создателем Национального Института Литературы и множества других культурных учреждений. Тем не менее, когда после второго курса архитектуры Патрисио бросил университет и решил стать хореографом – первым мужчиной-хореографом в Чили – несложно представить себе какие семейные и социальные преграды пришлось ему преодолеть, учитывая предрассудки времени.

После Второй Мировой войны Патрисио попал в один лучших балетов Лондона и там познакомился и женился на английской балерине Джоан Тернер. Через несколько лет они вместе вернулись в Чили (более подробный рассказ об этом – в прекрасной книге Джоан «Виктор – прерванная песня», кстати, переведенной на русский язык). В Чили родилась их дочь Мануэла (сегодня она – один из преподавателей центра «Спираль») и через несколько лет они разошлись. Потом Джоан вышла замуж за их ученика Виктора Хару. Мануэла и вторая дочь Джоан Аманда выросли в семье с Виктором.

Несмотря на всю эту непростую историю, в их отношениях не было ничего подобного латиноамериканским сериалам, наоборот, они разделяли заботы по воспитанию Мануэлы, свою страсть к театру, танцу, фольклору и... участие в деятельности Коммунистической партии.

В день военного переворота 11 сентября 1973 г. Патрисио Бунстер, к этому времени уже директор Школы танца Чилийского Университета, ушел в подполье. В стране шла охота на сторонников свергнутого правительства. Но когда через пять дней Патрисио узнал об убийстве Виктора, он вышел из подполья, чтобы помочь спастись Джоан и ее двум дочерям. Им удалось вырваться из пиночетовской Чили и началась долгая, нелегкая, но очень плодотворная история изгнания.

Патрисио получил убежище в ГДР и став преподавателем Дрезденской школы танца продолжил развитие своей концепции современного танца, создал десятки произведений, принял участие в ведущих международных фестивалях и одновременно с этой профессиональной деятельностью, посветил свою жизнь движению солидарности с Чили и распространению в мире музыкального наследия Виктора Хары.

В 1985 году, когда чилийская диктатура отменила запрет на возвращение Джоан и Патрисио, они вернулись в Чили и создали Центр современного

танца «Спираль», ставших одним из главных очагов культурного сопротивления режиму.

За последние 20 лет он снялся, как актер в десятке лучших чилийских фильмов.

В последние годы, несмотря на международное признание и десятки престижных наград и приглашений из Европы и Северной Америки, Патрисио Бунстер продолжал скромный, почти аскетический образ жизни и отдавал все свое время формированию 120 учеников и учениц «Спирали» - будущему современному танца Чили.

Сегодняшней ночью, когда я пишу эти строки, ученики и выпускники «Спирали» прощаются с ним. В зале с его телом горят свечи, звучат песни Виктора Хары и ученики танцуют для своего учителя.

Наверное, маэстро Патрисио Бунстер, там где он сейчас, сегодня счастлив. А нам просто придется привыкнуть.

Олег Ясинский

Чили, Сантьяго
25 октября 2006 г.

Фото П. Бунстера из чилийской прессы.
Фото церемонии прощания Элишевы Иосфиной

УБИЙЦА ВИКТОРА ХАРЫ ИЗВЕСТЕН

Почти через тридцать три года после убийства чилийского певца Виктора Хары, в мае 2006 года миру стало известно имя его палача – Эдвин Димтер Бианчи. Эдвин Димтер работает начальником отдела финансового контроля Управления Ассоциации частных пенсионных фондов Министерства Труда Чили. В результате многолетней работы неправительственной организации Фуна, занимающейся поиском военных преступников, удалось выяснить личность и разыскать одного из самых одиозных персонажей новейшей истории Чили.

В день военного переворота против законного правительства Сальвадора Альенде 11 сентября 1973 года лейтенант армии Эдвин Димтер был освобожден из тюрьмы где отбывал наказание за участие в попытке путча 29 июня 1973 года, известного как «танкетасо», в результате которого погибло более 20 человек, в т.ч. оператор аргентинского телевидения Леонардо Хенриксен, и направлен новыми военными властями на крытый волейбольный стадион Чили в центре Сантьяго (с 2003 года стадион им. Виктора Хары), ставший тюрьмой для тысяч чилийцев. Димтер был счастлив своей новой миссии и сполна отыгрался на людях, пребывавших в его полной власти.

Туда же, на стадион Чили на следующий день после переворота, вместе с сотнями студентов и преподавателей, находящегося по соседству Технического Университета, был доставлен и известный певец, композитор и театральный режиссер Виктор Хара. На стадионе Эдвин Димтер стал известен по прозвищу «Принц», так он сам приказал называть себя «потому что у меня голос принца» - высокий, белокурый, голубоглазый, с правильными красивыми чертами лица и властным голосом этот молодой офицер лично руководил истязаниями заключенных. Именно он избивал певца на глазах его товарищей и приказывал своим подчиненным участвовать в экзекуциях. Певца в последний раз видели живым, в кровоподтеках и с перебитыми кистями рук когда именно по его приказу Виктора уволокли в подвал-раздевалку стадиона, ставшую камерой пыток и казней. 16 сентября изрешеченное пулями тело Виктора Хары вместе с другими жертвами нашли брошенным на одной из окраин Сантьяго. Единственная официальная сводка гласила «Известный фольклорист Виктор Хара погиб в перестрелке с военным патрулем».

Бывшие заключенные помнят Принца, как психически неуравновешенного субъекта, который любил подниматься на верхнюю галерею и со смехом наблюдать за происходящим и с этой же улыбкой бил в пах или в лицо прикладом не понравившихся ему заключенных. От постоянных издевательских замечаний в адрес жертв, он моментально приходил в состояние неконтролируемого бешенства и получал явное удовольствие от страданий избиваемых.

Адвокат Борис Навиа, бывший преподаватель Технического университета и заключенный стадиона «Чили» вспоминает: «Принц неожиданно возникал среди заключенных и все должны были замолкать и вставать. Он чувствовал себя звездой. В одной из своих речей, принц заявил сверху, что у него нет нужды скрывать лицо от этих марксистских ублюдков и театрально снял темные очки и каску. Каска упала и покатила по галереям, двое новобранцев бросились поднимать ее. В свете ослеплявших нас прожекторов мы смогли хорошо рассмотреть его светлые волосы и глаза, круглое лицо и тонкие черты холеного мальчика из хорошей семьи»

Борис Навиа рассказывает о последних часах певца:

««Этого сукиного сына давайте сюда!» - кричит офицер, указывая пальцем на Виктора Хару, который вместе нами - 600 преподавателями и студентами Технического университета – подгоняемый штыками и прикладами, входил с руками на затылке на стадион Чили днем, в среду 12 сентября 1973 года. Днем раньше Виктор должен был петь на акции, готовившейся в Университете, во время которой президент Альенде должен был объявить чилийскому народу о плебисците.

«Этого сукиного сына давайте сюда!» - раздраженно повторяет офицер. Низко опущенная каска, лицо в боевой раскраске, автомат на плече, граната на груди, пистолет на ремне, обтянутое униформой тело напряженно и высокомерно балансирует над черными сапогами.

«Этого козла! ...да, этого самого!». Военный выталкивает его из шеренги арестованных. «И не обращайтесь с ним, как с бабой!». Получив приказ, солдат замахивается автоматом и изо всех сил бьет Виктора в спину. Виктор падает лицом вниз, почти к ногам офицера.

«... твою мать! Я тебя знаю, ты – Виктор Хара, марксистский певец, певец разной...!». Его сапог обрушивается раз, второй, третий, десятый на лежащее перед ним тело. Он старается попасть в лицо Виктора, который пытается прикрыться руками; каждый раз, когда он поднимает лицо мы видим эту попытку улыбнуться, которая не оставит его до самой смерти.

«Я тебя научу, сукин сын, петь чилийские песни, а не всякое коммунистическое дерьмо!». Никогда не забыть эти удары сапог по беззащитному телу... Ослепший от бешенства офицер продолжает избивать и оскорблять его. Слышно как проклятый сапог ударяет в тело. Мы, под прицелами автоматом в ужасе смотрим на страдания нашего любимого барда и несмотря на команду двигаться дальше, останавливаемся перед этим кошмаром. Виктор лежит на земле. Он не стонет и не просит пощады. Только приподняв свое крестьянское лицо смотрит на мучителя-фашиста. Тот выходит из себя. Он вынимает из кобуры пистолет и мы с ужасом ждем, что он выстрелит в Виктора. Но он бьет его рукояткой в лицо и по голове, еще и еще.

Орет и оскорбляет. Фашистская истерика. И вот кровь заливают Виктору волосы, лоб и глаза... Выражение его залитого кровью лица навсегда останется в нашей памяти...

Офицер устает и останавливается, смотрит вокруг и видит сотни глаз, смотрящих на него с удивлением и ненавистью. Он выходит из себя и орет: «В чем дело, ублюдки! Ведите дальше этих козлов! А этого, - обращается он к солдату, - перетащи его для меня в тот коридор, и если хоть чуть-чуть двинется – пристрелишь. Пристрелишь! Понял?»

Стадион Чили быстро переполняется политзаключенными. Сначала 2000, потом нас становится больше 5000. Раненые, окровавленные, зверски избитые, с одеждой превращенной в лохмотья люди... Офицеры приказывают солдатам избивать, пинать и всячески унижать этот «человеческий мусор», эту «марксистскую клоаку». Офицер рубит ножом ухо перуанскому студенту, обвиняя его из-за его темной кожи в том, что он – кубинец. 14-летний ребенок сходит с ума и солдат разряжает в него свой автомат. Один солдат спотыкается на трибуне о ногу старого рабочего и Принц – так велел называть себя старший офицер, сверху приказывает ему убить заключенного прикладом и солдат несколькими ударами проламывает ему череп.

Виктор, раненый и залитый кровью, находится под охраной в одном из коридоров стадиона Чили. Он сидит на цементном полу и ему запрещено двигаться. Это происходит на том же стадионе, где в один из вечеров 1969 года он своей знаменитой «Молитвой землепашца» стал победителем Первого фестиваля Новой Чилийской песни.

Там его держат всю ночь среды 12 и часть четверга 13 сентября, без пищи и воды. У него сломано несколько ребер, один глаз почти выбит, его голова и лицо в крови и все тело в кровоподтеках. Принц показывает его, как трофей, делегациям офицеров из других родов войск и каждый из гостей старается унижить певца.

Вечером в четверг на стадионе происходит переполох. Прибывают автобусы из района Ла-Леуга. Ходят слухи о вооруженном столкновении. Из автобусов выгружают множество новых арестованных, раненых и мертвых. Из-за этой новости о Викторе немного забывают. Солдат-охранников вызвали ко входу стадиона.

Мы пользуемся этим случаем, чтобы оттащить Виктора к трибунам. Мы даем ему воду и отмываем ему лицо. Скрываясь от прожекторов и посторонних глаз, мы пытаемся немного изменить внешность Виктора. Необходимо скрыть его узнаваемые черты, чтобы он стал еще одним из тысяч. Старый плотник из Технического университета, отдает ему свою синюю куртку, чтобы спрятать под ней его крестьянскую рубашку. Ножничками для ногтей мы стрижем его длинные спутанные волосы. Когда от нас требуют подготовить списки

заклученных, для перевода нас на Национальный стадион, мы маскируем его имя и вписываем в список полное имя Виктора: Виктор Лидио Хара Мартинес. Мы думали, в отчаянии, что если удастся перевезти Виктора отсюда на Национальный стадион, может быть, удастся спасти ему жизнь.

Один из наших студентов находит знакомого солдата и просит у него достать что-нибудь из еды для Виктора. Солдат извиняется, говорит, что у него ничего нет, но позже приносит одно сырое яйцо – единственное, что удалось достать. Виктор берет яйцо, спичкой пробивает скорлупу с двух концов, начинает высасывать его и с улыбкой говорит нам «в моей деревне, в Лонкене, мы так ели яйца». Эту ночь четверга он проводит среди нас, согреваемый телами своих товарищей по несчастью. Мы спрашиваем его, что бы он сделал, как народный певец, сознательный артист, революционный активист, сейчас, в условиях диктатуры и его лицо мрачнеет. Может быть, от предчувствия скорой смерти. Он вспоминает о своей жене Джоан, об Аманде и Мануэле, дочерях, говорит о президенте Альенде, погибшем в Ла-Монеде, о своем любимом народе, о своей партии и о своих товарищах артистах. Этой холодной сентябрьской ночью, мы чувствовали как нас переполняло его человеческое тепло.

14 числа, в пятницу мы готовы к переезду на Национальный стадион. Кажется, фашисты забыли о Викторе. Нас строят в шеренги и с руками на затылке и прыжками нас заставляют двигаться в сторону выхода. В последний момент откуда-то звучат автоматные очереди и нас возвращают на трибуны.

Наступает роковая суббота 15 сентября 1973 года. Около полудня нам сообщают, что некоторые из товарищей выйдут на свободу. В спешке мы начинаем писать записки нашим женам и матерям, чтобы сообщить им, что мы живы. Сидящий среди нас Виктор просит карандаш и бумагу. Я передаю ему мою записную книжку, обложку которой храню до сих пор. Виктор начинает что-то быстро писать, мы подумали, что это письмо для Джоан, его жены. Он пишет и пишет, подталкиваемый предчувствием. Вдруг откуда-то возникают два солдата. Они грубо хватают его и тащат к одной из центральных командных будок. Поэтому мы видим его. Офицер, называвший себя Принцем принимал гостей, офицеров из ВМС. Издалека мы видим, как один из них начинает оскорблять его, что-то истерически кричит ему и бьет кулаком. Спокойствие взгляда Виктора приводит палачей в бешенство. Солдатам приказывают избивать его и они обрушивают приклады своих винтовок на тело Виктора.

Два раза, обливаясь кровью, ему удается подняться. Потом он падает. Это последний раз, когда мы видим нашего любимого барда живым...

Этим же вечером, когда нас переводят на Национальный стадион, на выходе, в фойе стадиона Чили мы видим ужасную сцену. Пятьдесят безжизненных

тел, валяющихся на бетоне и среди них, возле Литре Кироги, директора Корпуса Жандармерии правительства Народного Единства, мы видим изрешеченное пулями тело нашего дорогого Виктора Хары.»

Вот практически дословный перевод последней записки Виктора Хары:

Здесь нас пять тысяч,
На этом маленьком клочке города.
Нас пять тысяч...
А сколько нас всего,
В городах и во всей стране?
Только здесь — десять тысяч рук,
Сеющих и запускающих заводы.
А сколько нас всего,
Обреченных на голод, холод, страх, боль,
Отчаяние, кошмар и безумие?
Шестеро наших потерялись
В звездном пространстве.
Один убит, другого избили.
И я себе никогда не представлял,
Что можно так избивать человека
Четверо других сами хотели избавиться от всех страхов
Один выбросился в пустоту.
Другой разбивал себе голову о стену.
И у каждого из них был застывший взгляд смерти.
Какой ужас внушает облик фашизма!
Они осуществляют свои планы с точностью машин не останавливаясь ни
перед чем.
Кровь это их медали,
Убийство — их героический подвиг.
Господь, это мир,
сотворенный тобой?
На это ушли твои семь дней вдохновения и работы?
В этих четырех стенах есть лишь это число, которое никогда не растет
В котором медленно растет лишь мечта о смерти
Но вдруг что-то меня осеняет
И я вижу эти застывшие волны,
Вижу пульс машин.
И лица военных со слащавой улыбкой матроны,
И Мексику, Кубу и землю
Орущие об этом позоре.
Нас десять тысяч рук, лишенных счастья трудиться.
А сколько нас во всей стране?
Сильнее бомб и пулеметов
Бьет кровь товарища президента
И наш кулак тоже еще ударит.

Песня, как трудно ты мне даешься
Когда приходится петь кошмар.
Кошмар, в котором живу,
Кошмар, в котором умираю.
Очутившись среди стольких и стольких моментов вечности,
Где молчание и крик - цель этой песни
Из того, чего я никогда не видел, что чувствовал и что чувствую
Прорастет момент....

Виктор Хара

Стадион Чили
Сентябрь 1973 г.

Кто же такой «Принц» Эдвин Димтер?

Родился семье выходца из Германии на юге Чили в городе Вальдивия. Является дальним родственником нынешнего посла Чили в США Андреса Бианчи Ларре и известного музыканта-фольклориста Висенте Бианчи. Товарищи по военной академии называли его «бешеный Димтер», из-за его неуравновешенного характера. В 1970 году с составе группы из 100 младших офицеров чилийской армии прошел подготовку в Панаме в руководимой ЦРУ печально известной «Школе Америк» - главном учебном центре по подготовке путчистов и военных преступников. В 1973 году, за 3 месяца до пиночетовского переворота участвовал в провалившемся путче против Альенде, за что был осужден и находился в тюрьме. При приходе ко власти военных сделал неплохую военную карьеру, но в 1976 году по неизвестным причинам уволился из вооруженных сил и с тех пор находился гражданской службе. Приобрел гражданскую специальность «счетовод-аудитор». Связей с бывшими сослуживцами не поддерживает. После возвращения в Чили демократии, он обратился в официальные органы, как «жертва репрессий военного режима», обосновав свое увольнение из армии политическими преследованиями и с тех пор получает денежную компенсацию, как «пострадавший от диктатуры».

Офис, где он работает находится на 14 этаже Министерства Труда, в здании, находящемся в самом центре Сантьяго, в двух шагах от президентского дворца Ла-Монеда. Сотрудники описывают Димтера, как замкнутого и странноватого человека, на его письменном столе нет ни фотографий родственников, ни памятных украшений, кофе себе он всегда готовил сам и ни разу не участвовал в неформальных встречах с коллегами. Мало кто мог предположить, что все странности этого высокого элегантного человека с правильными чертами лица и изысканными манерами были его формой защиты от преследующих его призраков.

В четверг 25 мая около 300 человек, члены организации Фуна, правозащитники, друзья и почитатели Виктора Хары, его дочь Аманда и представители мира искусства посетили место работы Димтера, чтобы проинформировать его коллег о прошлом их сотрудника. Небольшой группе удалось добраться и до самого его офиса. Выскочивший им навстречу Димтер попытался укрыться от камер за плакатом с портретом Виктора и одновременно с этим ударить одного из участников акции. После короткой потасовки бывший Принц бежал из офиса по служебной лестнице.

Несмотря на крайнюю медлительность здешней юстиции, есть надежда, что справедливость восторжествует хотя бы в том, что покоя ему больше не будет.

Координаты палача Виктора Хары:

Полное имя: Эдвин Армандо Рохер Димтер Бианчи (Edwin Armando Roger Dimter Bianchi)

№ удостоверения личности: 7.096.266-7

Домашние адреса: Martin de Zamora 4237, Charles Hamilton 13863 y Apoquindo 7470

Рабочий адрес: Huerfanos 1273, p. 14

Телефоны: 7530400-7530401

E-mail: edimte@safp.cl

Фотографии:

Олег Ясинский

Сантьяго
Май 2006

Виктор Хара. Подарок на день рождения

Сегодня, 28 сентября 2006 г., Виктору Харе исполнилось бы 74 года.

На площади перед президентским дворцом Ла-Монеда еще лет 6 назад горел «огонь свободы» в честь «победы» чилийской армии над «раком марксизма». [Читать дальше](#) Времена поменялись, огонь погас, победа оказалась государственным преступлением, из части пиночетовских туннелей (на всякий случай ведших из президентского дворца в несколько неизвестных направлений, которые уже известны) сделали подземную стоянку для машин, и из другой – постоянный выставочный центр для индейского искусства.

Сегодня на этой площади, которую недавно назвали площадью Культуры (прямо напротив площади Гражданской) открылась экспозиция фотографий Виктора Хара. На инаугурации была президент Чили Мишель Бачелет, которая, собираясь в кругу близких в свободное от президентских обязанностей время, частенько берет в руки гитару и поет песни именинника. Ее отец, генерал чилийских ВВС Альберто Бачелет, как и Виктор, погиб в фашистских застенках. Как и у Виктора, его главными преступлениями были достоинство и последовательность.

Сегодня, по центральному каналу чилийского телевидения провели открытый общенациональный конкурс на звание самого любимого певца Чили. В течение двух часов вся страна участвовала телефонными звонками, СМС-ками и мейлами. Из 10 кандидатов победил Виктор Хара. Чтобы понять особенность этого события, нужно учесть, что через 18 лет после возвращения демократии сегодня центральное чилийское телевидение возможно ВПЕРВЫЕ показывало Виктора Хару и транслировало его песни. Эта демократия всегда панически боялась памяти, дискуссий, идей и реального участия в ней тех, кому властью отводится обычно роль массовки. Чтобы не обострять конфликтов, чтобы не бередить ран, чтобы не будоражить общество, чтобы... забыть своих мертвых, оставить их в одиночестве наедине с историями прошлого, которые пугают своими призраками настоящее.

При диктатуре и при осторожной и благоразумной чилийской демократии – послушной дочери диктатуры – имя Виктора в СМИ все эти годы оставалось табу. И нам казалось, что в Чили его уже не помнят, или не знают, и что, перефразируя Высоцкого, из этой земли вытоптать сапогами душу все-таки удалось. Признаюсь, я думал о чилийцах хуже, чем они есть на самом деле.

Сегодня, через 33 года после своей жизни, и в 74 год своего рождения, Виктор в самой массовой чилийской программе избран своими соотечественниками самым любимым певцом страны. Такой вот подарок.

И еще я вспомнил об одной старой фразе другого артиста из другой страны. Александра Яковлевича Розенбаума. Когда-то она меня и многих из знакомых очень впечатлила. И даже не тем, что каждое слово в ней – ложь, а подобное мировосприятие иначе как фашистским не назовешь. Нет. Я думаю о том, как беззащитны мы перед любой глупостью или сказкой, когда мировые средства информации превращают их в очередную официальную правду.

Вот она, эта, по-стервятничьи крылатая фраза Розенбаума:

«Пиночет завалил только три тысячи тех, кто с оружием в руках выступил против режима. Туда же попал и обыкновенный кабацкий лабух Виктор Хара, из которого сделали невесть

что. А он просто пошел со всеми, будоражить.»

[\(официальный сайт А. Розенбаума\)](#)

Я никогда не был обожателем всего репертуара Александра Розенбаума, но был у него десяток-другой песен, которые мне нравились. После этой фразы стало неинтересно его слушать. Хорошо, что до Чили его творчество (и его интервью) не доходило и не дойдет.

А песни Виктора обошли мир, чтобы вернуться в Чили, начинающей оправляться от многолетней комы. Годы, ставшие рубцами безвременья и беспамятства заканчиваются. Потому что эта маленькая узкая страна – не только ее медь, вина и туристические пейзажи. Чили это еще ее незабытые песни. Песни любимого певца ее народа.

28 сентября 2006 г.

Олег Ясинский